

Забывтый язык экстаза

Экстаз — это язык, который человек полностью забыл. Он был вынужден забыть его, ему пришлось забыть. Общество против него, цивилизация против него. Общество вкладывает огромные средства в страдания. Оно зависит от страданий, оно питается страданиями, оно выживает за счет страданий. Общество — не для людей. Оно использует людей как средство. Общество стало важнее, чем человечество. Культура, цивилизация, церковь — все они стали более значимыми. Они предназначались для человека, но теперь они не для него. Они полностью перевернули весь порядок — теперь человек существует для них.

Каждый ребенок рождается экстатичным. Экстаз — это естественно. Это происходит не только с великими мудрецами. Это то, что каждый приносит с собой в мир, все приходит с этим. Это сокровенное ядро жизни. Это часть жизни. Жизнь — это экстаз. Каждый ребенок несет его в мир, но затем общество набрасывается на ребенка, начинает

уничтожать возможность экстаза, делать ребенка несчастным, обуславливать его.

Общество невротично, и оно не может допустить существования экстатичных людей. Они опасны для него. Постарайтесь понять механизм, и тогда всё станет проще.

Нельзя управлять экстатичным человеком, это невозможно. Управлять можно только несчастным. Экстатичный человек неизбежно придет к свободе. Экстаз — это свобода. Такого человека нельзя превратить в раба. Его невозможно легко уничтожить, его невозможно убедить жить в тюрьме. Ему хочется танцевать под звездами и гулять с ветром, разговаривать с солнцем и луной. Ему нужно необъятное, бесконечное, огромное, колоссальное. Его не соблазнишь жизнью в тесной камере. Из него не сделаешь раба. Он будет жить своей жизнью и делать свое дело. Это очень тяжело для общества. Если экстатичных людей будет много, общество почувствует, что оно разваливается, что его структуре не устоять.

Эти экстатичные люди будут бунтарями. Помните, я не называю экстатичного человека революционером, я называю его бунтарем. Революционер — это тот, кто хочет изменить общество и хочет заменить его другим обществом. Бунтарь — это тот, кто стремится жить как индивидуум и желал бы, чтобы в мире не было жесткой социальной структуры. Бунтарь — это тот, кто не хочет заменять одно общество другим, потому что все общества проявились одинаково.

Капиталист, коммунист, фашист, социалист — все они двоюродные братья, и между ними нет особой разницы. Общество есть общество. Все церкви оказались одинаковыми — индуистская, христианская, магометанская.

***Экстаз — это бунтарство.
Это не революция.***

Когда структура становится могущественной, она не хочет, чтобы кто-то был экстаичным, потому что экстаз противоречит структуре. Экстаз — это бунтарство. Это не революция.

Революционер — это политический человек, бунтарь — человек религиозный. Революционер стремится к другой структуре, созданной по своему усмотрению, к своей собственной утопии. Он хочет быть у власти. Он желает быть угнетателем, а не угнетенным. Он хочет быть эксплуататором, а не эксплуатируемым. Он стремится править, а не быть управляемым. Бунтарь — это тот, кто не хочет, чтобы им правили, и не хочет править. Бунтарь — это анархист. Бунтарь — это тот, кто доверяет природе, а не созданным человеком структурам. Бунтарь — это тот, кто верит, что, если природу оставить в покое, всё будет замечательно. Так и есть!

***Человек может жить без правителей,
но ему никогда не давали такой
возможности.***

Такая огромная Вселенная существует без какого-либо правительства. Животные, птицы, деревья — все они живут без всякого правительства. Зачем же оно нужно человеку? Значит, что-то пошло не так. Почему человек настолько невротичен, что не может жить без правителей?

Получается замкнутый круг. Человек может жить без правителей, но ему никогда не давали такой возможности — правители не дадут вам такой возможности. Если вы узнаете, что можете жить без правителей, кто тогда захочет, чтобы они были? Кто будет их поддерживать? Сейчас вы поддерживаете собственных врагов. Вы продолжаете голосовать за своих врагов. Два врага участвуют в президентской гонке, а вы выбираете. Оба они одинаковы. Это как если бы вам дали свободу выбирать тюрьму, в которую вы попадете. И вы радостно голосуете: я хотел бы попасть в тюрьму А или Б, потому что верю в демократическую тюрьму или в республиканскую. Как только вы поддержите тюрьму, у нее появится власть. И тогда она не позволит вам почувствовать вкус свободы.

И так с самого детства ребенку не дают вкусить свободы, потому что, как только он узнает, что это такое, он больше не уступит, не пойдет на компромисс, он не будет готов жить в тесной камере. Он скорее умрет, но никому не позволит превратить себя в раба. Он будет непреклонен. Конечно, он не будет заинтересован в том, чтобы обрести власть над другими. Когда вы

слишком стремитесь властвовать над другими людьми — это невроз. Это просто показывает, что в глубине души вы бессильны и боитесь, что, если не станете могущественными, другие одолеют вас.

Макиавелли говорил, что лучший способ защиты — это нападение. Лучший способ защитить себя — это напасть первым. Эти так называемые политики во всем мире — на Востоке, на Западе — в глубине души очень слабые люди, страдающие от комплекса неполноценности, боящиеся того, что если они не станут влиятельными в политическом плане, то кто-нибудь начнет их эксплуатировать — так почему бы не эксплуатировать самому, вместо того чтобы быть эксплуатируемым? Эксплуатируемый и эксплуататор, оба плывут в одной лодке, и оба помогают движению лодки, защищают ее.

Как только ребенок познает вкус свободы, он никогда не станет частью какого-либо общества, церкви, клуба, политической партии.

Как только ребенок познает вкус свободы, он никогда не станет частью какого-либо общества, церкви, клуба, политической партии. Он останется личностью, останется свободным и будет распространять вокруг себя вибрации свободы. Всё его существо станет вратами свободы.

Ребенку не дают почувствовать вкус свободы. Он просит мать: «Мам, можно я погуляю? Там такое солнышко, и воздух чистый-чистый. Я немножко побегаю вокруг дома». И тут же машинально — нервно — мать говорит: «Нет!» Ребенок не просил о многом. Он просто хотел выйти к утреннему солнцу, на свежий воздух, он хотел насладиться солнечным светом, ветерком, компанией деревьев — он ничего не просил! Однако мать произвольно, в каком-то неудержимом внутреннем порыве отвечает «нет». Тяжело слышать, когда мать говорит «да». Тяжело слышать, когда отец говорит «да». Даже если они говорят «да», они делают это с большой неохотой. Даже если они говорят «да», они заставляют ребенка почувствовать, что он виноват, что он принуждает их, что он делает что-то неправильно.

Всякий раз, когда ребенок чувствует себя счастливым, делая что-либо, обязательно кто-нибудь появляется и останавливает его: «Не делай этого!» Постепенно он начинает понимать: «Всё, что делает меня счастливым, это неправильно». И конечно, он никогда не чувствует себя счастливым, делая то, что говорят ему другие, потому что это не является его спонтанным побуждением. И так он приходит к пониманию того, что быть счастливым неправильно, а быть несчастным — правильно. Это становится глубокой ассоциацией.

Если он хочет открыть часы и заглянуть внутрь, вся семья набрасывается на него: «Стой! Ты ихломаешь! Это нехорошо». Он просто хотел

увидеть, что внутри, это было любопытство исследователя. Он хотел посмотреть, что заставляет их тикать. Это совершенно нормально. И часы не так ценны, как его любопытство, его пытливый ум. Часы ничего не стоят — даже если их сломать, ничего не будет уничтожено, но если уничтожить пытливый ум, разрушено будет многое. Тогда он никогда больше не будет искать истину.

Или другая ситуация: прекрасная ночь, небо усеяно звездами, и ребенок хочет побыть на улице, но ему пора в постель. Он вовсе не хочет спать, он бодр, он совершенно не чувствует сонливости. Он в недоумении. Утром, когда ему хочется спать, ему не дают покоя: «Вставай!» Когда он нежился в постели, когда ему было так хорошо и хотелось еще немного поспать и посмотреть сны, все были против него: «Вставай, пора!» А сейчас ему совсем не хочется спать, его тянет полюбоваться на звезды. Эти мгновения так поэтичны, так романтичны. Он просто трепещет от восторга. Как тут уснешь? Его переполняют эмоции, ему хочется петь и танцевать, а его укладывают в постель: «Уже девять часов. Пора спать».

Он так счастлив, а его загоняют в постель. Когда он играет, его зовут обедать. Но он не голоден. А когда он хочет есть, мать говорит: «Сейчас не время». И так мы уничтожаем любую возможность быть экстатичным, любую возможность быть счастливым, довольным, радостным. Что бы ни вызывало у ребенка спонтанную радость,

всё кажется неправильным, а всё, что вообще не вызывает никаких чувств, правильным.

Если в школе за окном классной комнаты вдруг начинает петь птица, ребенок всё свое внимание, конечно же, обращает на нее, а не на учителя математики, который стоит у доски со своим противным мелом. У учителя больше власти, с государственной точки зрения он сильнее, чем птица. Конечно, у птицы нет власти, но у нее есть красота. Она привлекает ребенка, не стуча ему без конца по голове: «Не отвлекайся! Смотри на меня!» Просто, спонтанно, естественно сознание ребенка начинает вытекать в окно. Оно направляется к птице. Его сердце там, но он должен смотреть на доску. Там не на что смотреть, но ему приходится притворяться.

Счастье — это неправильно. Там, где есть счастье, ребенок начинает бояться, что что-нибудь будет не так. Если он играет со своим телом — это неправильно. Если он играет со своими половыми органами — это неправильно. А ведь это один из самых экстатических моментов в жизни ребенка. Он наслаждается своим телом, это так захватывающе. Но все удовольствия должны быть прерваны, вся радость уничтожена. Это невротично, но общество таково.

То же самое делали с родителями их родители, то же самое они делают со своими детьми. Так одно поколение продолжает уничтожать другое. Так мы передаем наш невроз от одного поколения к другому. Вся земля превратилась

в сумасшедший дом. Никто, кажется, даже не знает, что такое экстаз. Он потерян. За одними барьерами создаются другие.

Замечено, что, когда люди начинают медитировать, они ощущают прилив энергии, и когда они чувствуют себя счастливыми, они приходят ко мне и говорят: «Странная вещь — я ощущаю себя счастливым и одновременно виноватым без всякой на то причины». Виноватым? Они в недоумении. Почему человек должен чувствовать себя виноватым? Они знают, что причины нет, они не сделали ничего плохого. Откуда же это чувство вины? Оно возникает из глубоко укоренившейся установки, что радость — это неправильно. Грустить — нормально, а радоваться — не дозволено.

Когда-то я жил в одном городе. Комиссар полиции был моим другом, мы дружили со студенческой скамьи. Он часто приходил ко мне и жаловался: «Я чувствую себя таким несчастным. Помогите мне». Я отвечал: «Ты говоришь о том, чтобы выйти из этого положения, но я не вижу, что ты действительно этого хочешь. Прежде всего, почему ты решил работать в этом полицейском управлении? Ты несчастен и хочешь, чтобы другие тоже были несчастными?»

Однажды я попросил трех своих учеников идти по городу, танцевать в разных местах и веселиться. Они спросили: «Зачем?» Я ответил: «Просто идите». В течение часа их, естественно, задержала полиция. Я позвонил комиссару и спросил:

«Почему ты задержал моих людей?» Он сказал: «Они, похоже, сошли с ума». Тогда я поинтересовался: «Они что-то натворили? Они причинили кому-нибудь вред?» Он ответил: «Нет, они ничего не натворили. На самом деле они ничего плохого не сделали».

«Тогда зачем же вы их задержали?»

«Но они же танцевали на улицах! И смеялись».

«Но если они никому не причинили вреда, зачем вмешиваться? Зачем их хватать? Они ни на кого не нападали, не заходили на чью-то территорию. Они ни в чем не виноваты, они просто смеялись».

«Ты прав, но это опасно».

«Что в этом опасного? Быть счастливым опасно? Быть экстаичным опасно?»

Комиссар понял, в чем дело, и тут же отпустил их. После он пришел ко мне и сказал: «Похоже, ты прав. Я не могу позволить себе быть счастливым и не могу позволить быть счастливым никому другому».

Таковы ваши политики, ваши комиссары полиции, ваши судьи. Ваши присяжные, вожди, ваши так называемые святые, ваши священники и попы. Все они вкладывают огромные средства в ваши страдания. Они зависят от ваших страданий. Если вы несчастны, они счастливы.

***Только несчастный человек пойдет
в храм, чтобы помолиться.***

Только несчастный человек пойдет в храм, чтобы помолиться. А счастливый человек пойдет в храм? Для чего ему это? Счастливый человек настолько счастлив, что чувствует Бога повсюду! Это и есть счастье. Он так экстатически влюблен в существование, что, куда бы он ни глянул, везде находит Бога. Всё вокруг — его храм. И где бы он ни склонился, везде он находит стопы Божьи и ничего иного. Его благоговение, его почтение не настолько ограничены, чтобы идти в индуистский храм или христианскую церковь. Это глупо, это бессмысленно. Только несчастные люди, которые не могут увидеть Бога, те, кто не видит Его в распутившемся цветке, в поющей птице, в психоделической радуге, те, кто не видит Бога в плывущих облаках, реках и океане, те, кто не видит Его в глазах ребенка, только они идут в церковь, мечеть, храм, идут к священнику и спрашивают: «Где Бог? Пожалуйста, покажите нам».

Только несчастные люди готовы принять религию. Да, да, Бертран Рассел был почти прав, когда сказал, что, если когда-нибудь мир станет счастливым, религия исчезнет. Я говорю «почти прав», на девяносто девять процентов. Я не могу сказать, что на все сто, потому что знаю другой тип религии, который Бертрану Расселу неизвестен. Да, эти религии исчезнут, он прав насчет них: индуизм, христианство, магометанство, джайнизм, буддизм — они, безусловно, исчезнут, их не станет. Если мир будет счастливым,

они неизбежно сгинут, потому что кто тогда будет беспокоиться? Но он прав только на девяносто девять процентов и на один процент неправ. И этот один процент важнее девяносто девяти, потому что в мире, где все люди счастливы, возникнет другой тип религии, *истинной* религии — экстатической, у которой нет названия, нет кодекса, нет Библии, нет Корана, нет Вед, религии, у которой нет Писания, у которой нет определения, это просто религия танца, любви, благословения, *чистая* религия.

На самом деле религии, которые существуют, вовсе не являются таковыми. Это успокаивающие средства, транквилизаторы. Маркс, конечно, тоже прав в том — только на девяносто девять процентов, — что религия — это опиум для народа. Он прав. Эти религии помогают вам терпеть ваши страдания. Они помогают вам, утешают, они дают надежду: «Да, сегодня ты несчастен, но завтра ты станешь счастливым». Но это завтра никогда не наступает. Они говорят: «В этой жизни тебе приходится страдать, зато в следующей... Будь хорошим, будь нравственным, следуй правилам общества — будь рабом, будь послушным — и в следующей жизни станешь счастливым». Но никто не знает следующей жизни. Никто никогда не придет и ничего о ней не расскажет. А если они не верят в следующую жизнь, они говорят: «Когда ты перейдешь на другой берег, на Небеса, там тебя ждет награда». Но для этого нужно слушаться священника и политика.

***Существует заговор
политика и священника.***

Существует заговор политика и священника. Они — две стороны одной медали. Они помогают друг другу. И они заинтересованы в том, чтобы вы оставались несчастными, чтобы священник имел прихожан и мог вас эксплуатировать, а политик заставлял вас идти на войну во имя нации, государства, во имя того и того — всё это глупости, но он может отправить вас воевать. Только глубоко несчастных людей можно призвать на войну, только глубоко несчастные люди готовы воевать, готовы убивать и быть убитыми. Они настолько несчастны, что даже смерть кажется им лучше жизни.

Я слышал, что Адольф Гитлер как-то разговаривал с британским дипломатом. Они стояли на тридцатом этаже небоскреба, и, чтобы произвести на британца впечатление, Гитлер приказал одному немецкому солдату спрыгнуть вниз. И тот солдат просто прыгнул, не задумываясь, и, конечно, погиб. Британский дипломат не мог в это поверить, это было невероятно. Он был сильно потрясен. Для чего эта смерть? В этом не было никакого смысла. И, чтобы поразить собеседника еще больше, Гитлер приказал другому солдату: «Прыгай!» — и тот прыгнул. Чтобы произвести еще большее впечатление, он приказал прыгнуть третьему солдату.

К этому времени дипломат пришел в себя. Он бросился к солдату, остановил его и спросил: «Что ты делаешь, губишь свою жизнь без всякой причины?» Тот ответил: «Кто хочет жить, сэр, в этой стране и при этом безумце? Кто хочет жить с Адольфом Гитлером? Лучше умереть! Это свобода».

Когда люди несчастны, смерть кажется им свободой. Когда они несчастны, они настолько полны ярости, гнева, что хотят убивать — даже рискуя тем, что могут убить их. Политик существует потому, что вы несчастны. Поэтому Вьетнам может продолжаться, Бангладеш, арабские страны. Война не закончилась. Где-то она продолжается.

Нужно понять такое положение вещей: почему оно существует и как можно из него выйти. Пока вы не откажетесь от него, пока не поймете весь механизм, всю обусловленность — гипноз, в котором живете, — пока не возьмете всё в свои руки, чтобы понаблюдать за ним и избавиться от него, вы никогда не станете экстатичными и никогда не сможете спеть ту песню, ради которой пришли сюда. Тогда вы умрете, так и не спев свою песню. Вы умрете, не станцевав свой танец. Вы умрете, не прожив свою жизнь.

Ваша жизнь — это только надежда, это не реальность. Но она может стать реальностью.

Яд амбиций

Невроз, который вы называете обществом, цивилизацией, культурой, образованием, имеет